

0

Раздался грохот,

я был в машине один. Даже не поранился, потому что по-настоящему калечат нас не аварии, а люди — своими словами и идиотскими идеями. Двигатель загорелся, из радио продолжала литься музыка, казавшаяся теперь такой же неуместной, как и сама затея угнать отцовскую машину и скрыться на ней в сердце ночи. Я не стал выходить, просить помощи, стучать в дверь ближайшего дома; я просто остался внутри, вот так, по-дурацки, надеясь, что, может, задохнусь. Какая-то женщина, жившая рядом, проснулась от запаха гари и вызвала скорую. Приехала полиция. Машину увез эвакуатор.

После аварии отец расстался с горой денег за ремонт, а мама выплакала море слез, и еще недели спустя она смотрела на меня глазами, полными страдания, будто я в любую секунду мог тоже взорваться, как тот двигатель.

Весь Брайтон говорил о парне, который в три часа ночи угнал у собственного отца машину и разбил ее: говорила Джуди Францман из кошерной*¹ пекарни, говорили Биньямин Фишер со своей женой, и мои родители говорили об этом с раввином.

Не говорил о случившемся только я.

1 Пояснения слов и выражений, помеченных звездочкой, см. на стр. 252–254.

1

Тетя Сьюзи предложила мне поесть,

но я отказался.

— Звонишь, просишь помочь, а потом от моих блюд нос воротишь? — возмутилась она с явным раздражением.

Тетя Сьюзи смотрела на меня. У нее были пышные иссиня-черные волосы, возможно, в прошлом они были похожи с сестрой, моей матерью, — до того, как мама покрыла голову и начала носить благопристойные длинные платья. Тетя почти никогда не улыбалась, но, вопреки первому впечатлению, была полна жизнелюбия.

«*От моих блюд нос воротишь*». Она не сказала «*От моей еды нос воротишь*». Потому что проблема была как раз в блюдах, то есть в посуде. Тетя Сьюзи никогда бы мне не предложила лобстера, или бекон, или еще что-нибудь некошерное. Но уже то, что в блюдах тети Сьюзи могло

хоть раз лежать что-то недозволенное, делало их нечистыми, и пользоваться ими было нельзя.

— Да я не голодный, — соврал я.

— Тогда сиди и гляди, как я ем. Я-то голодна, и еще как!

Тетя принялась есть, а я — глядеть, как она и велела. Как же противно выглядят жующие люди, подумал я, отвел взгляд от тетиного рта и принялся рассматривать тесную столовую. Несколько картин да пара безделушек — вот и все, что украшало темноватую комнату.

Тетя Сьюзи возобновила допрос:

— Ну и когда ты собираешься просветить меня насчет цели визита, Эзра?

— Сейчас, — ответил я. Достал из черного рюкзака белый конверт, где прятал копии снимков, стоивших мне исключения из школы. Тетя Сьюзи начала их просматривать и, не зная, как реагировать, изобразила на лице некую смесь неловкости, огорчения, ехидства и удивления, впрочем, не слишком-то сильного.

— Это кто?

— Малка Портман, — ответил я. — Сестра моего одноклассника Мойше Портмана. Красивая, правда? Мойше вечно хвастается, какая она красотка, и мне пришлось в голову тайком провести ее на мальчишеский этаж, в туалет. Ничего лучше этих снимков у меня еще не получалось.

Тетя Сьюзи рассматривала фотографии одну за другой и точно так же, одну за другой, перево-

рачивала пустой стороной вверх, будто чувствуя через них всю мощь посягательства на законы, причем законы не только школьные.

— Родители, я так понимаю, в восторге, — с иронией проговорила она.

— Ну, самих снимков они не видели. Но меня и Малку Портман из школы отчислили, чему я очень рад — не придется сражаться с мамой и папой, чтобы перевели меня в другую.

Я, конечно, не предполагал, что меня выгонят. Я не собирался никому показывать эти снимки, хотя в душе не сомневался, что однажды, если решу стать настоящим фотографом, они мне пригодятся. Фотографировать женщин в моей общине было под запретом. Многие парни из «Ешива Хай Скул» заканчивали школу, так ни разу и не посмотрев в глаза девочке. А я посмотрел Малке в глаза и даже сфотографировал их.

Превосходные снимки, в тысячу раз лучше тех, что я делал на свадьбах и бар мицвах*, где мои модели были замазаны толстым слоем тонального крема, а свет выставлен так, чтобы даже у старух морщины становились незаметными.

Что ж, Эзра Крамер всегда был головной болью своих родителей и учителей. Теперь их участь разделят еще и родители всех девочек общины, думал я. И даже раввины. До меня начала доходить вся серьезность моего поступка. Снимками я гордился, но после того, как их на-

шла миссис Портман, наводя порядок в комнате дочери, будущее рисовалось мне в самом мрачном свете. Джуди Францман никогда больше не предложит мне печенья, зайди я к ней в магазин поздороваться. Возможно, мама с папой выгонят меня из дома. Возможно, меня навеки исключат из общины. Возможно, Эзра Крамер в своей необузданной гениальности пятнадцатилетнего творца совершил величайшую ошибку своей жизни. Возможно, умереть в ту ночь в машине с дымящимся вонючим двигателем было бы лучше.

Фотоаппарат «Никон» мне подарили на бар мицву родители. Не то что ребенку подарить, нельзя было даже упоминать о смартфонах — там же интернет, прямая дорога на порносайты, толкающие мужей изменять женам, а холостяков — тратить семя впустую. Фотоаппарат же казался более безобидным. Я давным-давно мечтал сбежать в порт фотографировать краны, но родителям сказал, что хочу снимать общинные праздники.

На трапезе по случаю Пурима я сделал сотню кадров, и один из молодых мужчин общины сказал, что у меня талант, а неделю спустя в отчаянии позвонил отец Биньямина Фишера: фотограф, которого наняли снимать свадьбу его сына, за два дня до праздника отказался «из-за непонимания относительно оплаты». Я с радостью согласился его заменить и явился на праздник

со своим «Никоном». Самым невероятным было то, что я мог свободно заходить на женскую половину — фотограф все-таки. Никто другой не смел пройти за мехицу*.

Слух о том, что я здорово снимаю, распространился быстро. Без меня теперь не обходился ни один праздник в ультраортодоксальной части Брайтона. Талант у меня был, но главное — за работу я просил всего ничего, а может, мне доверили, потому что я был своим.

Но мне довольно быстро надоели и двадцатилетние женихи, давящие стаканы, и краны в бостонском порту. Я просил одноклассников мне позировать, но они отвечали, что, мол, фотографироваться — проявление тщеславия и *битуль Тора*, трата драгоценного времени, которое следует уделять изучению священных книг. Когда Мойше Портман заговорил о своей сестре, я почувствовал, что вот оно. И действительно, Малка сразу согласилась, и никаких угрызений совести я не испытывал.

— А родители как отреагировали? — вывела меня из задумчивости тетя Сьюзи.

— Не знаю. Они всё узнали от директора, наверное, только что — их вызвали в школу. Может, решат отправить меня в какую-нибудь другую школу — и, наверное, уже не в Бостоне.

— Ох и тяжело им придется. На них теперь вся община ополчится.